

ПРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ

Священник д-р Петр Планк
(г. Вюрцбург, Германия)

Богословские и пастырские размышления о православной практике крещения

Жизнь Церкви похожа на эллипс, два полюса которого составляют Крещение и Евхаристия. Вокруг них располагаются все остальные таинства, священнодействия, богослужения, которые либо нацелены на них, либо от них идут. Как Крещение, так и Евхаристия являются основными актами божественно-человеческого взаимодействия: Дух Божий делает раз и навсегда произошедшее во Христе дело спасения каждый раз настоящим временем, здесь и сегодня, и человек своей верой раскрывается навстречу дару этого исцеления, который его спасает.

В обоих случаях, в Крещении и в Евхаристии, вера и принятие таинств неразрывно связаны. Принятию св. Таин Тела и Крови Христовых предшествует возглашаемая епископом или его представителем, священником, анафора, которая есть не что иное, как отражение троичной веры Церкви: славословие Отцу, благодарение за спасительное дело Сына и прошение о присутствии Сына через Святого Духа. Аналогичную структуру имеет и Крещение: освящающему омовению в воде предшествует исповедание веры крещаемым либо, если он не достиг зрелости, его крестным. И это исповедание веры есть раскрытие веры в Троицу Бога, во имя Которого крещаемый затем принимает Крещение (Мф. 28, 19).

Как анафора принадлежит Евхаристии, так исповедание веры принадлежит Крещению. Там его изначальное место. Лишь позже (V–VI века) «Верую» вводится и в Божественную литургию. Так как и то и другое являются выражением веры Церкви, неудивительно, что анафора и исповедание веры местами очень похожи. Таким образом, мы видим: и Крещение и Евхаристия сообщают одно и то же божественное исцеление и в ходе их совершения требуют одной и той же веры, а именно – в Троицу Божие и воочеловечение Единого из Троицы, Сына, ради спасения мира.

1. Крещение и Евхаристия

При этом Крещение является неотъемлемой предпосылкой для принятия Евхаристии. Крещаемый должен громко исповедать свою веру, чтобы Церковь могла увериться в том, что он затем будет способен вместе с общиной

с полной убежденностью сказать свое «да» и «аминь» (ср. 1 Кор. 14, 16; 2 Кор. 1, 20) возглашенной священником евхаристической анафоре. Каждый причастник должен прежде этого принять очищающую воду Крещения, потому что у природного человека, рожденного в отпавший от Бога мир, недостает способности принять участие в Телe и Крови Христовых. По словам Евангелия (Мф. 7, 6), он принадлежит к тем псам, перед которыми нельзя бросать святыню. Прежде чем он приступит к Святыне, он сам должен стать святым, т. е. принятым и избранным Богом. А именно это и происходит в Крещении.

В Евхаристии причастник причащается, т. е. он получает свою часть Тела и Крови Христовых вместе со своими братьями и сестрами по вере и так образует с ними единое Тело Христово, Церковь; т. е. Божественная литургия необходимо должна совершаться только в церковной общности, делает отдельного верующего членом Тела Христова (ср. 1 Кор. 10, 16). Но в Крещении человек не причащается. Крещение человек принимает – единое, неделимое Крещение, причем один-единственный раз. По сущности своей оно не является общественным богослужением. Каждый принимает его для себя. Длительное время для преподавания Крещения использовали не храм, а отдельные баптистерии, в то время как община отдельно ждала в помещении для собраний (кафоликен, собор), пока придут новокрещенные, чтобы приветствовать их пением: *все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись* (Гал. 3, 27) – и затем вместе с ними принести св. Жертву и принять участие в единой Евхаристии.

Поучительным в этой связи является одно наблюдение из Св. Писания: евангелист Лука повествует о двух учениках, которые в день Воскресения шли из Иерусалима в Эммаус (Лк. 24, 13–31). По пути к ним присоединился Незнакомец, Который поучает их из книг Ветхого Завета о значении крестной смерти мессии и Который в конце, когда они пришли к цели, преломив хлеб, открывает Себя как Самого Воскресшего Распятого. Видимо, не может быть сомнения в том, что эта широко известная сцена имеет евхаристически-таинственное значение. Сам Воскресший открывает Себя в преломлении хлеба и еще раз показывает ученикам, каким образом Его искупительная смерть впредь будет посреди них. Если к этому добавить еще предшествующее поучение на примерах из Св. Писания, а также предваряющую преломление хлеба молитву, то видишь перед собой основное последование евхаристической Литургии Церкви. В связи с тем, о чем мы говорим, мне представляется имеющим особое значение то, что Господь при этом Своим как бы евхаристическом богоявлении явился не одному, а двум ученикам и соответственно преломил хлеб для обоих. И уже здесь отчетливо проявляется общественный характер Евхаристии.

Это наблюдение приобретает еще большую выраженность, если мы сравним его с рассказом об одном крещении, записанным тем же евангелистом Лукой в Деяниях св. апостолов (Деян. 8, 26–39). Хранитель сокровищ царицы Эфиопской на обратном пути из Иерусалима читает Св. Писание Ветхого Завета, не понимая его. Филипп присоединяется к нему по велению ангела, объясняет вельможе прочитанное как пророчество о Сыне Божиим и Его спасительном подвиге, и крестит его по его желанию во встретившейся на пути воде. Параллель этого эпизода с историей в Эммаусе очевидна: за

пониманием Писания с верой следует само таинственное сообщение провозвещенного там спасения. Но здесь также становится ясным значительное различие между Крещением и преломлением хлеба: Крещение не является общественным событием. Крещаемый ни с кем не должен делить крестильную воду. Таинственный акт крещающий совершает над крещаемым без присутствия еще и других лиц, не говоря уже об их активном участии.

Это наблюдение из Св. Писания должно призвать к осторожности в отношении новейших тенденций в нашей Церкви к тому, чтобы преподание Крещения включать в общественное совершение Божественной литургии. Хотя принятие Крещения и нацелено на участие в евхаристической жертве и причастие Св. Даров, но оно, являясь неотъемлемой ее предпосылкой, не является частью Евхаристии.

2. Крещение и вера

Но предпосылкой благодатного принятия Крещения является вера, по слову Господа: *Кто будет веровать и креститься, спасен будет* (Мк. 16, 16). А это имеет глубокие последствия для нашей практики крещения. Крещению молодежи или взрослых обязательно должно предшествовать наставление в вере. Период катехумената, т. е. наставления и вхождения в религиозную жизнь Церкви, который в древнее время был сам собой разумеющимся, в наши дни снова стал актуальным. Оглашение не следует путать с изучением богословия, но кандидат в крещаемые должен ознакомиться с основными чертами христианской веры и жизни по вере. Ни в коем случае недостаточно как-нибудь туманно верить в Бога или даже просто происходить из какой-то определенной нации. Необходимо понимать основные особенности православной веры: Бог триедин, Он есть Три, а Они есть Единый, и Один из Троицы стал человеком, и даже через смерть вошел к мертвым, чтобы всех – кто на земле и кто под землей – привести с Собой в жизнь божественную, вечную. Учение о Троице и христология образуют перекрестие переданной нам христианской православной веры. Об этом можно сказать простыми, понятными словами. Способен ли человек также и поверить в такие «невероятности», станет видно в каждом отдельном случае. Это тоже и именно это является благодатным и необъяснимым избранничеством Божиим. Того, кто считает, что не может принять эти истины веры, обязательно нужно удерживать от крещения. Крещение без этой веры не принесет пользы ни крещеному, ни Церкви.

Крещение является отпущением грехов. В допуске или недопуске к нему, с моей точки зрения, и заключается в первую очередь место апостольской власти вязать и решить. Она доверена епископу и – в зависимости от него – священнику, и они, с полным сознанием своей ответственности перед Богом, не должны колебаться в применении этой власти в обоих направлениях. Критерием отпущения или неотпущения грехов (а это в первую очередь означает допуск или недопущение к Крещению), думается, может быть только вера крещаемого. Отсюда, кстати, становится ясным и значение исповеди, и ее тесная связь с Крещением: исповедь есть не что иное, как обновление Крещения. Данное в исповеди

отпущение грехов может быть только освежением или ставшим необходимым дополнением к собственно отпущению грехов в Крещении. Поэтому я считаю немаловажным, чтобы принимающий исповедь пытался выявить не только этически-нравственное состояние, но и состояние веры исповедующегося и при необходимости давал соответствующие наставления и помощь.

3. Крещение и зрелость

Если вера и Крещение неразделимы, то сразу же возникает еще один вопрос: как обстоит дело с крещением не достигших зрелости детей, что ведь на протяжении уже многих веков стало, так сказать, обычным, хотя наше чинопоследование крещения в принципе предполагает взрослого крещаемого. Этот вопрос со жгучей остротой вновь и вновь ставят перед нами, например, баптисты. Думаю, что нам следует отнестись к этому вопросу серьезно, но также считаю, что ответ на него дать нетрудно, хотя поначалу это не кажется очевидным.

Возможно, что этот вопрос вставал в Церкви еще во времена апостолов. Если это так, то решить его в значительной мере помогает воспоминание об одном речении Господа: *пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное* (Мф. 19, 14 парр.). Поводом для этих слов, по-видимому, является не столько безобидность детей, которой они, так сказать, автоматически лишаются при вступлении в зрелый возраст, безобидность, которую Господь мог как бы идилически любить, – скорее, эти слова становятся понятными лишь в свете того библейского эпизода, когда народ Израиля, несмотря на указание Бога на неблагоприятные вести, отказывается пойти в страну, предназначенную ему Богом. Наказание за это сурово. Сорок лет вынужден после этого еврейский народ скитаться в пустыне, прежде чем ему дается повторный шанс пойти в страну обетованную. Однако участниками этого призваны стать и станут только те, которые ко времени несчастного решения еще не достигли двадцатилетнего возраста, то есть зрелости, и потому не были причастны к этому решению (Чис. 14, 29–31; Втор. 1, 39). Им в конечном счете и даруется земля обетованная. Но в новую и собственно обетованную землю, Царство Божие, о котором говорит Господь, могут войти только те, кто не отвергли Его, как те, в то время незрелые.

Их есть Царство Небесное, а не тех, кто уклоняется от веры. Применительно к Крещению, как вступлению в Царство Божие, это означает, что по велению Божию незрелые могут и должны пройти в эти врата. Достаточно присущая им неспособность к неверию. Но они нуждаются в руках, которые бы носили их, а позже – в направляющей деснице тех, кто направят их первые шаги, возьмут их с собой в их собственный путь жизни и веры. Другими словами: крестить следует только тех детей, у которых есть верующие родители или крестные, которые имеют твердую решимость сделать все от них зависящее для того, чтобы совершенное в детском возрасте крещение шаг за шагом соединялось с той верой, без которой крещение не имеет смысла. Правда, никто не может дать гарантию, что такие усилия достигнут цели в нынешний век беспредельного

индивидуализма и духовного распыления; сегодня – еще меньше, чем раньше, когда еще было привычным вопросы веры, как и жизни, также решать сообща – в семье, роду, племени, народе. Если же, судя по всему, не приходится рассчитывать на такое воспитание детей в вере и в жизни по вере, то крещение не следует совершать или следует отложить его так же, как в случае неверующих взрослых. Если есть готовность к этому, то вместо невозможного еще наставления в вере детей можно осуществлять наставление их родителей и крестных, даже если они уже были крещены, но до сих пор не были знакомы с верой своей Церкви или не жили по ней. Иногда таким образом может происходить крещение целых семей или частей семьи, взрослых и детей – вместе, так что повествования Св. Писания становятся заново актуальными, например, там, где говорится о том, что начальник синагоги в Коринфе Крисп принял веру *со всем домом своим* (Деян. 18, 8; ср.: 11, 14; 16, 15, 31–32).

То есть с крещением никогда не стоит спешить. Потому что только верующим Крещение дарует спасение. Но также должно быть ясно, что Крещение не представляет собой завершение своего рода курса обучения с выдачей свидетельства, за которым ничего потом не следует, но оно представляет собой вступление в новый мир, в Царство Небесное и начало нового образа жизни. Кто после крещения не молится, никогда или редко посещает храм, подобен человеку, покупающему билет на поезд, но потом возвращающегося домой, не отправившись в путь. Крещение предполагает наличие минимальной веры, но потом она должна возрасть и расцвести: Крещение призвано запустить процесс веры и жизни, который продолжается до тех пор, пока Богу не будет угодно отозвать этого крещеного человека из мира сего.

4. Крещение и священство

Обыкновенно совершителями крещения являются епископ и священник. Это следует из уже упомянутой апостольской власти разделять людей на тех, кому их грехи отпускаются, и тех, кому они не отпускаются, а также из того, что Крещение представляет собой высшее отпущение грехов.

Тем не менее в Деяниях святых апостолов мы встречаем крещаемого, который не имеет епископско-священнического преемства от избранных Господом двенадцати родоначальников Нового Израиля, но имеет преемственность от тех семи, которые избраны и посвящены на служение у столов (Деян. 6, 1–6), а именно – Филиппа*. Нам не сообщается, как протекала дальнейшая жизнь в вере хранителя сокровищ царицы Кандакии. Во всяком случае ясно одно: для полного членства в Церкви ему после его крещения недоставало еще существенного, а именно – возложения рук во исполнение Духом Святым. Этого Филипп не мог совершить, как не мог совершить этого и над людьми в Самарии, которых он там научал и крестил (Деян. 8, 5–17). Для этого дополнительно было нужно, чтобы пришли и молились апостолы

* Следует уточнить, что Филипп (впоследствии ап. от 70-ти) в действительности не «имеет преемственность от тех семи», но сам является одним из семи диаконов первоначальной Церкви (Деян. 6, 5). – *Прим. ред.*

Петр и Иоанн. Из этой истории можно извлечь два вывода. Во-первых, Крещение, которому недостает печати Св. Духа, накладываемой в нашей Церкви помазанием святым миро, не завершено. Таким образом, миропомазание является заключительной частью крещения, неразрывно с ним связанной и все же отличающейся от него. Крещение и миропомазание образуют некие две стороны одной медали, и оба являются предпосылкой для принятия Евхаристии. Во-вторых, отдельные друг от друга, совершаемые разными лицами (а именно: с одной стороны – Филиппом, а с другой стороны – Петром и Иоанном) формы крещения и запечатления Духом уверовавших самарян доказывают, что в Церкви с самого начала существовали различные служения с различными полномочиями. Известно ведь, что по сей день право на совершение миропомазания сохраняется за епископами и священниками, в то время как предшествующее крещение может в чрезвычайной ситуации совершаться также диаконами, церковнослужителями или мирянами, вне зависимости от того, мужчины они или женщины. Но в любом случае, для введения человека в Церковь, которое делает его способным причаститься Телу и Крови Христовых, в целом необходим акт апостольской власти вязать и решить, которой не обладают миряне и диаконы.

Своего рода испытание этого тезиса от противного можно провести на основе Св. Писания (Деян. 9; 22, 12–16), где говорится о призвании Павла и его приеме в Церковь. Анания из Дамаска получает от Господа указание озаботиться Савлом, или Павлом, который незадолго перед этим ослеп во время обратившего его явления Христа. Анания передает ему весть: *Господь Иисус... послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святаго Духа*. Павел прозревает и принимает Крещение, судя по всему – от Анании, который возлагает на него руки. Согласно словам Анании, на этот раз принятие Св. Духа связано с принятием водного Крещения. Видимо, в противоположность Филиппу, Анания обладает также полномочием сообщать Св. Духа. Таким образом, мы не ошибемся, если, в согласии с преданием, увидим в Анании первого епископа Дамаска, а не одного из мирян тамошней общины. Когда дальше в тексте говорится, что Савл затем принял пищу, тем самым нам скорее всего указывается на то, что там он впервые принял Св. Дары. Что может быть вероятнее? В конце концов, в Дамаске имелась христианская община, а каждое завершенное принятием Св. Духа Крещение нацелено на принятие Тела и Крови Христовых в общении Церкви.

5. Крещение и православие

Мы говорили о неразрывной связи между верой и Крещением. Имеющаяся здесь в виду вера, конечно, может быть лишь единственной истинной верой, православной верой, которую исповедует, проповедует, защищает и излагает водимая божественным Духом единая, святая, соборная и апостольская Церковь. Как хранительница веры, она также преподает Крещение. Правда, Церковь как таковая неодолима до скончания времен, но только как целое, не в отдельных своих частях или отдельных своих членах.

Поэтому Церковь в своей истории предстает перед нами в постоянном борении за истинную веру во всех своих членах, вера которых может угаснуть или в которую могут закрасться повреждения. Ересь, повреждение веры, является не только возможностью, но и реальностью, которая непрестанно сопровождает Церковь в ее истории и угрожает ей. Поэтому перед ней встает и вопрос о качестве и благодатности крещения тех, чья вера или практика веры искажены большими или меньшими повреждениями. Эта проблема, существовавшая с самого начала, сгущается к середине III века в так называемом споре о крещении еретиков, в котором столкнулись противоположные мнения папы Римского Стефана и епископа Киприана Карфагенского. В то время как Киприан считал, что крещение еретиков, т. е. крещение, совершаемое под знаком поврежденной веры, не сообщает никакого спасения и потому само по себе недействительно, Стефан говорил, что к еретикам, если они признают истинную Церковь, следует относиться как к крещеным христианам. Нельзя сказать, что этот спор был внутризакпадным. Категорий такого рода Древняя Церковь не знала. К тому же, например, епископ Кесарии Каппадокийской Фирмилиан относился к числу самых ревностных сторонников Киприана. Но восторжествовало мнение по этому вопросу еще одного североафриканского латинянина, а именно епископа Августина, который написал: «*Нис (Христос) est qui baptizat*»¹, вне зависимости от того, использует ли Он в качестве орудия правильно верующего или еретика. Отсюда становится понятной позиция Римско-католической Церкви в этом вопросе. Она принципиально признает всякое крещение, которое совершается водой во имя трех божественных ипостасей. Качество совершителя крещения при этом в принципе не играет роли. Так как «крещает Христос», то в чрезвычайных обстоятельствах речь может даже идти о человеке, который сам не крещен. Он лишь должен обладать желанием совершить то, что делает Церковь², но не обязан понимать содержательную сторону этого действия даже на зачаточном уровне.

С таким учением о совершителе Крещения мы, православные, согласиться не можем; крещение, совершенное некрещеным, неважно от имени какой Церкви, мы признать не можем, так как при этом отсутствует всякая обратная связь с Церковью, которая конкретизируется в совершенно определенных лицах. Но если этот промах в римско-католическом учении о Крещении в наше время и в наших условиях имеет скорее теоретическую природу, то есть и второй, который уже существенно вторгается в каждодневную церковную жизнь: с некоторых пор эта Церковь допускает к причастию крещеных детей, еще не прошедших конфирмацию, т. е. Крещение которых еще не завершено или запечатлено даром Св. Духа. В этом случае конфирмация происходит лишь годы спустя после первого причастия, чаще всего она совершается епископом (священникам для этого нужно иметь дополнительное полномочие от епископа). В результате богословом чрезвычайно трудно объяснить смысл этого таинственного акта³. В новейшее время

¹ Tract. VI. 7 in Jo: *CChL* XXXVI, 57

² Decretum pro Armenis des Florentinum: *DS* 1315.

³ Также и в римско-католических кругах, как кажется, возникало сознание, что с этим связана проблема. Ср., напр.: *G. Feige*, Die katholische Firmpraxis angesichts orthodoxer Bedenken, *StdO* Jg. 1996. Heft 3 (FS K. Onasch). S. 13 f.

стали истолковывать это как своего рода обряд инициации в сознательную религиозную жизнь взрослых. Неудивительно, что в конечном счете это никого не может как следует убедить и вдохновить.

Я здесь потому обращаю внимание на эти проблемы в римо-католической практике крещения, что они дают возможность показать, что различия между православием и римским католицизмом ни в коем случае не ограничиваются теми «классическими» пунктами (филиокве, опресноки, примат, эпиклеза, чистилище), о которых можно прочесть в любом богословском справочнике, но что они относятся также и к каждодневной практике совершения таинств, которая зачастую являет различия, заходящие значительно глубже, чем многие предполагают.

А как смотрит наша собственная Церковь, Православие, на Крещение иноверных христиан? Как она поступает с теми, которые, будучи крещены в неправославной Церкви, желают присоединиться к православной? Этот вопрос по своему значению (отметим это особо) выходит далеко за рамки урегулирования частных случаев, возникающих при переходе отдельных лиц. В каждом случае обращения проявляется мнение Православия о всей конфессии, из которой приходит обратившийся. Из этого отчетливее, чем из многих богословских трактатов и дискуссий, видно, какое эклезиальное качество православная Церковь придает другим конфессиям, насколько весомы с ее точки зрения расхождения, которые разделяют ее с ними.

К сожалению, взгляд на недавнее прошлое и настоящее вселенского православия не дает здесь единообразной картины. Нам, нынешним, пожалуй, не очень мешает тот факт, что Московская Церковь в период с 1620 по 1667 год повторно крестила римо-католиков, а протестантов – даже до 1721 года. Мы ведь знаем, что к такому решению привели не догматические соображения, а церковно-политические причины⁴, и что позже, в согласии с древним преданием, оно было отменено⁵. С тех пор постоянная практика Русской Церкви заключается в том, чтобы в принципе признавать Крещение и конфирмацию, а также в иных случаях и рукоположения римско-католических конвертитов и принимать их лишь через отречение от всяческой ереси, с исповедью и причастием Св. Даров, а протестантов – через миропомазание, ввиду отсутствия у них апостольского служения.

Большее замешательство, чем временные колебания в этом вопросе Московской Церкви XVII века, вызывает решение Вселенского Патриархата при Кирилле V в 1755 г. впредь считать и относиться ко всем латинянам как к некрещеным⁶. Хотя это решение также имело основанием церковно-политические соображения, сравнимые с теми, которыми руководствовалась Москва в 1620 г., оно по сей день принципиально остается в силе. Правда, оно далеко не всегда применяется, прежде всего – когда

⁴ *Metr. Makarij (Bulgakov)*. *Istorija Russkoj Cerkvi*. Bd. XI. St. Petersburg 1882 (ND Düsseldorf 1969). S. 23–30.

⁵ Vgl. *E. Chr. Suttner*, *Petr Mogilas Eintreten für die Taufe abendländischer Christen*, in: *K. Chr. Felmy u.a. (Hgg.)*, *Tausend Jahre Christentum in Rußland. Zum Millennium der Taufe der Kiever Rus'*. Göttingen 1988. S. 903–914.

⁶ Dokumente hierzu: *Mansi XXXVIII*, 575–634; vgl. *T. Ware*, *Eustratius Argenti. A study of the Greek Church under Turkish Rule*. Oxford 1964. S. 65–107.

это представляется неуместным. Но каждый раз (говорится об этом или нет) приходится прибегать к принципу икономии, чтобы снять резкость продолжающей существовать правовой нормы через своего рода помилования в виде исключения⁷. В нынешней практике эта икономия сводится к тому, что греческая Церковь при приеме римо-католиков удовлетворяется миропомазанием.

Такое расхождение между теорией и практикой приводит в замешательство не только находящиеся вовне. Так, в диаспоре, в которой различные православные Церкви зачастую вынуждены с трудом искать практического осуществления своего иногда довольно теоретического единства, это расхождение доставляет немалые проблемы. Не в последнюю очередь оно ослабляет надежность и достоверность православия в экуменическом диалоге с другими Церквями.

6. Крещение и Троица

Таким образом, необходимо навести порядок в собственном доме. Лучше всего мы, видимо, подойдем к этому вопросу, если, отбросив все церковно-политические амбиции и антипатии прошлого и настоящего, обратим взор на свидетельство древнего предания в вопросе о том, как относилась Православная Церковь к крещению в неправославных общинах верующих. Важные положения для дифференцированной оценки возникающих ситуаций содержатся уже в 8-м и 19-м правилах I Никейского Собора⁸, 1-м правиле св. Василия⁹, а также в так называемом 7-м правиле Константинопольского Собора¹⁰. Но лишь позже один священник Святой Софии в Константинополе по имени Тимофей сделал попытку (видимо, в VI веке) систематически и всеобъемлюще изложить соответствующую позицию Церкви в виде своего рода послания¹¹. Судя по всему, его труд нашел повсеместное признание и похвалу, так как он был включен в такие нормативные правовые собрания православия, как греческий Номоканон и славянская Кормчая книга¹², а в 95-м правиле Трулльского Собора (692 г.)¹³ было дано его резюме. Тимофей там вначале пишет:

«Три чина имеется для тех, кто желает присоединиться к святой соборной и апостольской Церкви Божией. Первый относится к тем, которые еще лишены св. Крещения, второй – к тем, кого не нужно крестить, а только

⁷ Dazu: E. Chr. Suttner, «Ökonomie» und «Akribie» als Normen kirchlichen Handelns. *OstkSt* 24 (1975) 15–26.

⁸ G. A. Rhalles, M. Potles. *Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων*. Bd. II, Athen 1852. S. 133 b/w. 158 f.

⁹ Rhalles-Potles, a.a.O., Bd. IV. Athen 1854. S. S9–92.

¹⁰ Rhalles-Potles, a.a.O., Bd. II. S. 187. Фактически речь идет о цитате из письма константинопольского клира Патриарху Антиохийскому Мартирию (461–465): *I. Ortiz de Urbina*, Nizäa und Konstantinopel (= Geschichte der Ökumenischen Konzilien I). Mainz 1964. S. 233.

¹¹ Migne. PG 86. 9–74.

¹² V. Beneševic, Syntagma XIV titularum sine scholiis secundum versionem palaeo-slovenicam adjecto textu graeco e vetustissimis codicibus manuscriptis exarato, Bd. I. St. Petersburg 1906. S. 707–738 (griech. und slav. kritischer Text).

¹³ Rhalles-Potles, *Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων*. Bd. II. S. 529–531.

помазать св. миро, и, наконец, третий – к тем, которые не нуждаются ни в Крещении, ни в помазании, но лишь должны отринуть собственное и всякое иное лжеучение».

За этим подразделением следует длинный список еретических группировок, каждая из которых представлена краткой или подробной характеристикой. Для нас это потому столь интересно, что по каждой отдельной группировке устанавливается тот или иной из вышеназванных трех чинов присоединения, если их члены желают обратиться в православие.

В соответствии с этим списком, например, крестить нужно маркионитов, энкратитов, приверженцев гностических систем, николаитов, монтанистов, манихейцев, т. е. приверженцев синкретистских верований, в которых христианские черты зачастую распознаются лишь с трудом. Но Тимофей причисляет к нуждающимся в Крещении и представителей бесспорно христианских сект, например, евномиян, приверженцев Павла Самосатского и Фотина, савеллиан, последователей Маркелла Анкирского и др. Общим для них является то, что их троичная вера имеет тяжкие повреждения и искажения, которые тем самым глубоко нарушают, если не разрушают, сущность христианской веры, например, полным отрицанием Божества Христа в радикализованной форме арианства или вследствие объявления божественной Троицы простой сменой внешних форм проявления единого Бога.

Помазывать, но не крестить, согласно Тимофею, следует, например, квартодециман, новациан, ариан, македониан и аполлинариан. То, что не следует крестить квартодециман и новациан, понять легко. Ведь это не собственно еретики, а схизматики, которые считали, что должны дистанцироваться от основной Церкви из-за той или иной практики, которую они сами считали существенной, но которая на самом деле имела скорее дисциплинарное значение (определение времени Пасхи или практика покаяния). Более неожиданным кажется отказ от крещения ариан, македониан и аполлинариан, ведь они несомненно были приверженцами ересей, с которыми Церкви пришлось бороться в IV веке, а в некоторых случаях и еще долго после этого. Если ариане и македониане оспаривали единую сущность Отцу Божественность Сына или Св. Духа, то аполлинариане ставили во Христе на место разумной человеческой души Его Божество и тем самым косвенно отказывали Ему в ядре Его человеческой природы. Если Древняя Церковь тем не менее удовлетворялась миропомазанием бывших последователей этих лжеучений, то из этого следует, что она считала в этих случаях троичную (или христологическую) веру хотя и серьезно нарушенной, но не разрушенной полностью.

Наконец, Тимофей называет по имени еще тех, от которых при переходе следует требовать только отречения от ереси: например, мелитиан, египетских раскольников, которые не хотели мириться с принятием обратно отпавших в ходе преследований, и прежде всего – несториан и различные группы монофизитов.

Теперь список ересей, составленный Тимофеем (не считая названных последними несториан и монофизитов), уже не имеет для нас непосредственного значения. Но при внимательном рассмотрении он дает вполне существенные критерии, которые на основании предания следует применять, когда

речь идет об оценке церковности неправославных христианских общин вообще и о выборе образа действия при возможных переходах их членов в Православную Церковь. При этом в первую очередь решающим есть и будет вопрос о том, сохраняется ли у них основная суть троичной (и христологической) веры и преподается ли Крещение в этой вере. Во-вторых, нужно исследовать, обладает ли соответствующая община церковным служением апостольского происхождения и апостольской власти, совершители которого только одни и могут завершать крещение исполнением крещаемого Св. Духом.

Хотя нам трудно не видеть, что латинская добавка филиокве к Никео-Цареградскому символу веры, которая прижилась в Римско-католической Церкви и которую она передала по наследству почти всем конфессиям, произошедшим из нее на протяжении второго тысячелетия, носит в высшей степени сомнительный характер, ибо этой добавкой к Отцу как единственному и неизменному источнику троичного Божества добавляется второй источник. Но троичная вера не разрушается при этом в своем ядре и не ставится существенно под сомнение. Значит, коль мы не стали бы крестить даже ариан и пневматомахов, если бы такие объявились, то мы никоим образом не можем делать этого с римо-католиками, англиканами, лютеранами или реформатами (например, из-за филиокве), не попирая предание нашей собственной Церкви. Таких христиан, если они получили от носителей преемственного апостольского служения дар Св. Духа, мы не можем также принимать и через миропомазание, если наше православное предание отчетливо велит не делать этого в случае несториан и монофизитов.

Но таким апостольским служением большинство реформатских общин не обладают, и они даже отвергают его как таковое вообще, так что их верующие, с моей точки зрения, находятся как раз в таком положении, как самаритяне после крещения их Филиппом до прибытия Петра и Иоанна. Если до сих пор в этом отношении применительно к англиканству существовали определенные колебания, то вследствие введения рукоположения женщин указанная проблема обрела для этой конфессии совершенно новый аспект. То же относится и к старокатоликам. Делая это замечание, я вполне отдаю себе отчет в том, что вопрос рукоположения женщин встанет и в Православной Церкви и что оно даже местами уже всерьез обсуждается, а некоторыми известными богословами и иерархами даже приветствуется. Возможно, нам в этом отношении предстоит огромная и болезненная борьба, не уступающая ни в чем остроте борений в древности вокруг учения о Троице и христологии, потому что эта тема, как никакая другая, возбуждает эмоции людей нашего времени.

Но злость и возбуждение являются наихудшими советчиками в решении богословских проблем. Это доказывают и решения 1620 и 1755 гг. о крещении латинян, которые сегодня, видимо, следует признать ошибочными. Если я в заключение вновь к ним возвращаюсь, то потому, что в обоих случаях за отсутствием иных богословских обоснований обратились к правилу Древней Церкви трижды погружать крещаемого в воду, а сейчас и в некоторых православных кругах этим обосновывается отвергание крещения в Римско-католической Церкви и протестантских общинах. Действительно,

это предписание о трехкратном погружении крещаемого содержится в некоторых канонах Древней Церкви, например, в 49-м и 50-м правилах свв. апостолов¹⁴. Но уже Древняя Церковь в обоснованных исключениях знакома с крещением через обливание и даже только окропление, которое в так называемых западных Церквях постепенно стало обычным. Можно сожалеть о таком развитии. Но этого ни в коем случае недостаточно для обоснования повторного крещения. В остальном здесь применима немецкая поговорка, которая говорит, что не стоит бросаться камнями тому, кто сидит в стеклянном доме. Потому что вряд ли я выдам секрет, если напомню о том, что сейчас и в православных Церквях немало крещений совершается через обливание, а не погружение. Почему же перед лицом этого факта нужно мерить двойной меркой? Справедливо спросить, отвечает ли такая практика преданию и находит ли в ней отвечающее Таинству выражение соумирание и совоскрешение со Христом, которые, по слову апостола (Рим. 6, 4–8), происходят в Крещении. Но задающий этот вопрос также должен задать его и православным Церквям.

¹⁴ *Rhalls-Potles*, a.a.O., Bd. II. S. 65–67.